

Давид Павельев

Тутанхамон

Псевдоисторическая драма в 3-х сценах

Давид Павелъев

Тутанхамон

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Павельев Д.

Тутанхамон / Д. Павельев — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Власть свалилась на юного Тутанхамона, как снег на голову и против его воли. Теперь он должен понять, кто он - хозяин жизни или раб своего положения? Можно ли употребить власть во благо народа, или Тутанхамону придётся делать лишь то, что от него требуют?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

13

Лица

Э х н а т о н, фараон Египта

Т у т а н х а м о н, его сын

Н е ф е р т и т и, царица Египта, жена Эхнатона и мачеха Тутанхамона

М а к е т а м о н, сестра Тутанхамона

Э й е, его учитель, советник и воспитатель

Х о р е м х е б, главнокомандующий армией

В а л т а с а р, посол Вавилона в Египте

М а и, верховный жрец Осириса

Т а р а, рабыня Май

Р а б ы

А в т о р п ь е с ы.

Сцена первая

Зала во дворце Эхнатона. В центре её трон.

Некоторое время зала пуста.

Вдруг раздаются грохот фанфар. Трубят трубы, гремят литавры, и под эти торжественные звуки появляется Хоремхеб. Это весьма пожилой, но крепкий мужчина. Шаги его гулкие и чеканящие, лицо решительное, упрямое и немного насмешливое. Стоя, он чаще всего закладывает руки за спину, и широко расставляет ноги, для устойчивости.

Х о р е м х е б. Гм, странно... И никто не спешит выйти на встречу родной непобедимой армии и её прославленному командиру, высказать ему своё восхищение и пожать его крепкую ладонь. Сказать: «Генерал, никто не сомневался в вашей победе, в стойкости ваших солдат и конечно же, в вашем стратегическом уме!» Но всё равно при этом тактично удивиться, чтобы я мог в полной мере насладиться своим триумфом... Но нет! Ишь чего, размыштался. Вот он наш хваленый патриотизм. Все хотят, чтобы страна побеждала, но никто не хочет ничего для этого делать.

Торопливо вбегает Эйе – тоже пожилой, полноватый мужчина с одутловатым, подвижным, изрезанным глубокими морщинами лицом.

Э й е. А вот наконец и вы, Хоремхеб... Скорее...

Х о р е м х е б. Да, вот наконец и я, Эйе. Разве вы только это хотите мне сказать?

Э й е (*пытаясь отдышаться*) Ах, да... Простите меня, Хоремхеб... Это всё потому, что я нахожусь в таком смятении... таком смятении! (*Хватается за голову и продолжает попытки отдышаться*) Собственно говоря, все мы находимся сейчас в смятении... но вы же понимаете... вы вообще хорошо меня понимаете... за что я очень вам благодарен, друг мой... что я в особенном смятении. Да вот ещё поручили встретить вас...

Х о р е м х е б. Нечего сказать, пышная процессия. Ну да ладно. Я уже привык. Если бы мы проиграли войну, был бы виноват я, если победили – в этом заслуга верховного божества.

Э й е. Дело даже не в этом, друг мой. Эхнатон вот-вот умрёт...

Некоторое время оба молчат. Эйе всё пытается отдышаться, Хоремхеб, глядя на свои сандалии, переминается с носков на пятки.

Х о р е м х е б. Если на прямоу, то эта новость нисколько меня не огорчает.

Эйе. Эхнатона мне не жалко. А подумайте о Тутанхамоне. Мальчик даже ещё ничего и не понимает. Он ещё никогда в жизни не терял родных.

Хоремхеб. Они никогда особо не ладили.

Эйе. Я знаю. Я ведь рядом с Тутанхамоном постоянно, он доверяет только мне. И я понимаю, насколько это трагично. Тем более это мы с вами вложили в него желание спорить с отцом, отвергать его мировоззрение и бунтовать против его политики.

Хоремхеб. Вот только не занимайтесь самогрызением! Сколько раз вы говорили мне про этот день. И вы говорили о нём в совершенно других выражениях. «Вот когда этот нелюдь отправится в царство Анубиса...», помните? А теперь?

Эйе. Да, настоящее совсем не такое, каким мы видели будущее в прошлом.

Хоремхеб. У наследника престола не будет времени переживать. На него навалится слишком много дел, за которые он сразу же примется. И, уверяю вас, не без удовольствия.

Эйе. Я согласен с вами, но я... я его учитель. Я рад, что сумел привить ему любовь к правде, которая и заставила его противиться всем нутром своим лжи Эхнатона. Но я понимаю, что эта же любовь к правде заставит его страдать ещё больше.

Хоремхеб. Во всём виноват сам безумный папаша. Быстрей бы он подох!

Эйе. Не говорите так при нём, умоляю вас! От этого ему будет больней...

Хоремхеб. Как вы боитесь боли! Настоящий солдат о ней даже не думает.

Эйе (*обречённо вздыхая*) И всё-таки... Слышите, они идут!

Хоремхеб. Кто?

Эйе. Эхнатон и все остальные...

Хоремхеб. Так этот ещё и бегаёт?

Эйе. Я же вас прошу...

В залу вбегают Эхнатон, за ним бежит Нефертити, за ней Макетамон. К каждому приставлен раб с опахалом. Рабы, обливаясь потом, усердно работают опахалами. Тутанхамон входит последним и становится на приличном расстоянии перед тронном. Он явно ошарашен и не знает, как себя вести.

Эхнатон без сил валится на царский трон, едва не опрокинув его, но Нефертити, Макетамон и рабы успевают его подхватить, после чего все вместе принимаются натирать его тело маслом¹.

Тутанхамон. Здравствуйте, господин Хоремхеб. Простите, что мы не смогли вас как следует встретить...

Хоремхеб. Ничего страшного. Перебьюсь.

Эхнатон (*кричит на весь зал, размахивая руками и глядя в потолок*) Хоремхеб! А я надеялся, хетты насадят его на пику раньше, чем я испущу дух. Тьфу, пропасть! И ради этого стоило жить!

Хоремхеб (*Эйе*) И это вы меня просили сдерживаться?

Эйе. Простите уж бедному умирающему...

Хоремхеб. Окажись мы с вами на его месте, он не был бы так политкорректен, как вам хочется.

¹ Своей внешностью Эхнатон внушает к себе отвращение. Он немного младше Эйе или Хоремхеба, но даже по сравнению с ними кажется стариком. Его полностью лысая голова и дряблое, костлявое, голое тело дёргаются в судорогах. Свою речь он сопровождает жестикуляцией, напоминая брызгающий во все стороны фонтан, то и дело задевая кого-либо из находящихся рядом с ним, так что возникает ощущение того, что он хаотично и спонтанно раздаёт им звонкие оплеухи. Ощущение отвращения дополняет то раболепие, с которым окружающие пытаются улаживать его.

Э х н а т о н. Тутанхамон, послушай старика – гони в шею этого мерзавца! Он тебе ещё задаст гвоздя. Будешь маршировать под его барабаны. Знаешь, как он любит, когда маршируют? Вот так, вот так!

Вскакивает с трона и начинает маршировать вокруг трона. Нефертити, Макетамон и часть рабов маршируют вместе с ним.

Хоремхеб фыркает и отворачивается.

Э х н а т о н. А Эйе, эта старая плешивая крыса! Вечно он рассуждает о том, как бы никому не навредить, не причинить кому-нибудь боли. Лицемер! Интриган с вечно слезящимися глазами! Потому-то он так много разглагольствует про этику – уж очень хочет сесть на моё место и делать всё, что делаю я. Да поднять революцию кишка тонка. Вот и остаётся всё время болтать про гуманизм, чтобы никто не догадался, какой он трус. Конченное ничтожество!

Э й е. Ну, знаете...

Х о р е м х е б (*саркастически*) Ну он же бедный умирающий.

Эйе отворачивается.

Э х н а т о н. Посмотри, Тутанхамон, что за наследство тебе остаётся! Помяни моё слово, эти двое зададут тебе жару! Один – тупая военщина, не годная ни на что, кроме разбоя, другой – кабинетный философ, мелкий пакостник и крючкотвор, возомнивший себя виртуозом политики! Двадцать лет они страстно желали меня убить. Сколько раз эти ничтожества имели такую возможность. Каждый день, каждую секунду один мог подсыпать мне яд в вино, а другой направить на меня своих пустоголовых солдафонов! Разве они сделали это? Кишка тонка! Они ограничивались лишь тем, что промывали мозги моему сыну и настраивали его против меня. Это же черви, копошащиеся в трупах!

Т у т а н х а м о н. Если они черви, почему же ты не раздавил их?

Э х н а т о н. Мне было гораздо приятнее иметь их живыми. Скучно жить, когда тебя никто не ненавидит. Ненависть – всё равно что острая приправа в постном бульоне. Она даёт тебе возможность почувствовать свою силу, она возвышает тебя над всем миром. Ненависть доказывает тебе, что тебя не жалеют. Всю жизнь я готов был убивать только ради того, чтобы меня не жалели. Это тупейшее чувство, которое унижает тебя. Вот если ты убийца, изверг и тиран, а они пресмыкаются перед тобой – вот оно высшее наслаждение!

Т у т а н х а м о н. Я никогда не понимал таких наслаждений. И не хочу понимать!

Э х н а т о н. Ты всего лишь желторотый юнец, совсем ничего не смыслящий в жизни! Это старая лисица запудрила тебе мозги. Заставила ненавидеть меня и мою религию. Да что ты знаешь о моей религии? Знаешь ли ты, почему я придумал её? Почему низверг их идиотских божков со звериными мордами? Ничего ты не знаешь! Ты поймёшь это только тогда, когда будешь как я, на смертном одре. Умирая, мой отец готовился к тому, что там, в загробном царстве, его ждёт суд Осириса. Он представлял, как из его груди вытащат сердце, кинут его на одну чашу весов, а на другой будет гусиное перо. Перевесит перо – и он станет богом, как и сам Осирис. Но если тяжелей окажется сердце – этот же пустоголовый Осирис приговорит его к вечным мучениям. Шакалы будут грызть его печень, черви и навозные жуки точить его плоть. А я, слушая моего несчастного, глупенького отца, думал – нет! Я не буду таким идиотом как ты! Я слишком хорошо сознавал, что перо не перевесит моё сердце. И отнюдь не потому, что я был такой порочный. Я был просто человек, немного понимающий физику. Человек, чья природа требует удовольствий. Днём я хочу быть великодушным, а вечером жадным. Одной рукой хочу дарить, а другой грабить. Одной рукой ласкать, другой – бить до синяков, до крови. Я хочу казнить, когда я зол, и миловать, когда всем доволен. Хочу усладить тело, и хочу осуждать

других за разврат. Так почему какой-то сумасшедший должен сравнивать моё сердце с пером? Плевал я на его весы! И все люди плевали. Они просто стеснялись признаться в этом. Ничтожные слабаки, они боялись Осириса, но не осмеливались взбунтоваться против него, потому что ему же молились об урожае! Я решил эту проблему. Я нашёл выход – придумал нового бога, которому можно молиться о вкусном завтраке, и который в то же время нисколько не стесняет тебя, не читает нотаций, не учит жить и не пугает историями про вонючих собакоголовых уродов! Я наконец даровал этим ничтожествам свободу! Понимаешь ты – полную свободу!

Т у т а н х а м о н. Почему же тогда все считают тебя тираном? Почему же ты упиваешься ненавистью, витающей вокруг тебя?

Э х н а т о н. Да, я тиран. Но я тиран-благодетель. Я приказывал этим ничтожествам быть свободными! Они кричат, что я устраиваю репрессии, я безжалостен и кровожаден. Но как быть с теми глупцами, искренне верящими в своих Осириса и Амона Ра? Как быть с теми, кто готов класть свои сердца на весы? Наверно, это романтики, наивно полагающие, что их гнилые потроха никогда не перевесят перо. Бред! У всех у нас одинаковые потроха – у вора и у жреца, у шлюхи и у матери семейства! Да, я не перед кем не делал различий, как истинный тиран, ибо только тираны казнят всех без разбору.

Т у т а н х а м о н. Неправда. Они делят людей на палачей и на жертвы!

Э х н а т о н. Вот глупость! Палачи как раз очень хорошо знают, как легко им поменяться местами.

Т у т а н х а м о н. А как же казни без суда и следствия, после первого же анонимного доноса, которые никто не удосужился проверять? Ни тебя, ни твоих палачей не интересовало, что большинство из них были клеветой, и гибли невинные люди!

Э х н а т о н. Чушь! Люди не делятся на виновных и невинных, как им того очень хочется. Все мы виновные, просто у кого-то хватает смелости признаться в этом, а кто-то упорно строит из себя невинность, тыкая пальцем в кого-то другого. Что поделаться, если большинство трусы? Тогда пусть уж тыкают пальцем в других, авось потом тыкнут и в них. Если тыкнули в тебя – сам виноват. Надо было успеть донести на того, кто может донести на тебя. Не успел – одним ничтожеством меньше.

Т у т а н х а м о н *(с ужасом)* С какой лёгкостью решались жизни в нашей стране! «Одним ничтожеством меньше...»

Э х н а т о н. Да брось ты ломаться как базарная девка, Тутанхамон! Всё-таки я сыграю с тобой одну шутку, и ты никуда от меня уже не денешься! Не спрячешься под крылышко своего плюгавого учительшишки-моралиста, не воспаришь в свои небеса с розовыми облаками и радужными мечтами о всяких сопливых нежностях и высоких идеалах! Ведь мне ничего не стоит умереть, и ты сядешь на этот самый трон. И тогда я бы посмотрел на тебя! Я посмотрел бы, как ты себя поведешь! Ты будешь истекать кровавыми соплями, и с ними из тебя быстренько выйдет вся спесь. А что скажет твой советник? Будет ли он петь тебе, как раньше, про гуманность, благородство, сострадание, любовь? Ты прикажешь отрубить башку этому старому ублюдку только за то, что он дурачил тебя все эти семнадцать лет! А потом будешь рубить их всем остальным, потому что все они такие же, как он! О, только ради этого мне стоит сдохнуть!

Э й е *(нервно и сдавленно)* Не слушай его!

Т у т а н х а м о н. Не беспокойтесь, Эйе. Все эти скабрёзности влетают мне в одно ухо, и вылетают в другое.

Э х н а т о н *(неистовствуя)* Всё равно ты уже проклят, Тутанхамон, проклят! Я проклинаю тебя! Вот моё наследство! Вот что достанется тебе вместе с этим троном!

Т у т а н х а м о н *(горячо)* Я не хочу твоего трона! Я не стану таким, как ты!

Э й е *(мягко)* Не стоит, не все цари были такими, как он...

Т у т а н х а м о н. Я знаю. Вы всегда говорили мне об этом, вспоминали великих моих предков: Яхмоса, Тутмоса и Хатшепсут²...

Э й е. ...укрепивших империю, заботящихся о гражданах как о родных детях...

Т у т а н х а м о н. Но я всё равно не хочу... я хочу быть просто человеком и жить так, как вы учили. Быть одинаково честным с богатым и с бедным, любить и сострадать искренне...

Э й е. Царь тоже человек...

Э х н а т о н. Именно, старая гнилая колода! Человек! Я проклял тебя, Тутанхамон, но не из ненависти к тебе, а из желания быть перед тобой честным. Все мы обречены быть людьми.

Т у т а н х а м о н. Это счастье – быть настоящим человеком!

Э х н а т о н. Настоящим? По мне так лучше быть ненастоящим человеком, статуей. Статуя не знает конфликта между «хочу» и «нельзя».

Т у т а н х а м о н. Я не о том.

Э х н а т о н. Плевать! Да, совсем забыл. Нефертити!

Н е ф е р т и т и (*падая перед ним на колени и целуя его ступню с длинными ногтями*) Да, мой повелитель...

Э х н а т о н. Проследи, чтобы ни одна моя статуя не была уничтожена! Пусть все три тысячи сто восемьдесят девять статуй в мою честь стоят на своих местах и прославляли мои великие дела и мою мужскую красоту. Пусть перед каждой из них день и ночь рыдают тридцать юных дев, слышишь ты? Тридцать, нет, лучше тридцать три, это число красивей. А все свои статуи уничтожь. Слышишь ты, старая калоша, сломай все свои статуи, где ты молодая и смазливая стоишь рядом со мной. Они будут портить вид на меня. Пусть никому и в голову не придёт, что мою постель могла делить какая-то карга...

Н е ф е р т и т и. Да, мой прекрасный господин! Не смею перечить твоей воле!

Э х н а т о н. Теперь поди прочь, рухлядь. Так... о статуях позаботился, сына проклял, вроде ничего не забыл... Теперь можно и сдохнуть. Горите все огнём!

Эхнатон заливается безумным смехом, от которого все цепенеют, и вдруг проваливается под землю вместе с тронном.

Нефертити и Макетамон бросаются к тому месту, где только что был трон, падают на колени и, громко всхлипывая, плачут. Правда, теперь их движения почему-то более спокойные и уравновешенные, чем когда Эхнатон ещё был здесь.

Рабы продолжают стоять как стояли, усердно и равнодушно работая опахалами.

Эйе бросается к Тутанхамону и пытается взять его за руку.

Э й е. Мой мальчик! Рано или поздно это случается со всеми нами...

Х о р е м х е б. Да, не стоит переживать, господин Тутанхамон.

Э й е. Нет, переживать – это нормально и естественно. Все мы переживаем, особенно в таком возрасте... Просто я хочу сказать, что жизнь не заканчивается...

Т у т а н х а м о н. Простите, учитель... я знаю, что это неправильно, но я на самом деле не переживаю. Эхнатон... то есть мой отец, никогда не любил ни меня, как и никого на свете. Даже уходя он не нашёл ничего лучше, как проклясть меня.

² Яхмос – правитель Египта, основатель XVIII династии, к которой принадлежали также Эхнатон и Тутанхамон. *Тутмос* – имеется в виду Тутмос Третий, фараон XVIII династии, отличившийся успешными походами и значительными расширениями границ Египетской империи. *Хатшепсут* – одна из четырёх женщин-фараонов, представительница XVIII династии, прославилась успешными военными кампаниями и масштабным строительством.

Эйе. Да, это ужасная, трагическая история! Может быть, даже лучше, что вы не переживаете...

Хоремхеб. Я заранее прошу прощения, Эйе, за мои сугубо прагматичные предложения, однако нам всё же лучше отложить выяснение этических проблем и приступить к коронации наследника. До моего отбытия в поход мы с вами уже обсуждали одну возможность, так что в наших общих интересах не потерять ни секунды.

Эйе. Я согласен с вами, хоть выяснение, как вы выразились, этических проблем, также далеко не последнее дело... *(рабу)* Любезный! Подойдите, пожалуйста.

Хоремхеб *(тому же рабу)* Слушайте мой приказ – в течение одной минуты вы спуститесь в чулан со всяким хламом, как у вас здесь обыкновенно именуют арсенал, и принесёте оттуда трон отца Эхнатона Аменхотепа, отнесённый туда двадцать лет назад. *(Достаёт из кармана песочные часы и переворачивает их)* Не уложите во временные рамки – попадёте под трибунал и понесёте кару по закону военного времени. Выполнять! Кругом! Шагом марш!

Раб в спешке уходит.

Тутанхамон. Господин Хоремхеб, но к чему такая спешка? О чём вы говорили?

Хоремхеб бросает быстрый взгляд в слезящиеся глаза Эйе. Тот растерян.

Хоремхеб *(внезапно вытянувшись по стойке смирно)* Разрешите доложить по форме, господин наследник фараона?

Тутанхамон *(тоже растерявшись)* Конечно... но к чему это... я же просто Тутанхамон, а вы настолько меня старше...

Эйе. Теперь так требуется, мой мальчик... то есть, господин преемник фараона.

Тутанхамон. Да, учитель... То есть *(тоже принимает строевую стойку)* докладывайте, господин главнокомандующий армией.

Хоремхеб. Находясь в условиях тиранической политической системы, армия в моём лице с согласия правительственного совета по делам воспитания и образования наследника престола в лице господина Эйе предприняла шаги по сохранению основ традиционной государственности, получившей начало указом царя Нармера³. В целях сохранения традиционного общества, идеологии и политической системы нами был организован тайный совет, в рамках функционирования которого специальным указом сформирована тайная разведка. По последним данным разведки, политическая группировка, близкая к верхушке власти с лидером в лице царицы Нефертити готовит срыв коронации наследника престола принца Тутанхамона с целью занятия оногo и продолжения радикально-тоталитарной политики ныне почившего Эхнатона, с сохранением его официальной идеологии в виде культа солнечного диска Атона и культа личности самого Эхнатона. Доклад окончен. Разрешите принять меры по предотвращению заговора?

Тутанхамон. Разрешаю. Но, постойте... Я, конечно же, разрешаю, но вам не будет трудно пояснить, в чём будут заключаться эти меры?

Хоремхеб. Извольте. Меры по предотвращению заговора предпринимаются в ходе операции «Надежда Амона», проходящей в два этапа. Первый из них – скорейшее и незамедлительное взятие под стражу главаря заговорщиков, то есть царицы Нефертити для последующего военно-полевого суда по законам военного времени, второй – проведение процедуры интронизации наследника престола, то есть вас.

Тутанхамон. Простите, я понимаю, что вы хотите как лучше... но нет ли у вас другого плана?

³ Нармер – первый фараон Египта, сформировавший само государство путём объединения двух прагосударств – Верхнего и Нижнего Египтов.

Х о р е м х е б. Никак нет. В данной ситуации предложенные меры кажутся мне единственно верными.

Т у т а н х а м о н. Я не сомневаюсь в вашей компетентности. Просто... царица Нефертити всегда относилась ко мне и к моей сестре как родная мать... или, лучше сказать, почти как родная мать... (*Неожиданно резко*) Нет, я обманываю себя. И родной отец не относился ко мне, как родной, а мою мать они использовали в качестве инкубатора, только лишь потому, что царица не могла забеременеть, а потом прогнали, заперли в темнице... Но я всё равно не знал от Нефертити никакого зла. Она была со мной даже ласкова и обходительна, и мне не хотелось бы, чтобы она пострадала.

Х о р е м х е б. По нашим данным ей очень хочется, чтобы пострадали вы.

Э й е. В самом деле, мальчик мой... наследник престола... (*с трудом, то и дело вытирая со лба обильно выступающий пот*) всю жизнь она ненавидела вас, как чужих детей, как отродье. Вас и вашу матушку, которой завидовала чёрной всепожирающей завистью за то, что она была как плодородная земля, в отличие от неё, пустыни. Позже она приказала отправить вашу матушку в заточение, чтобы вы никогда не запомнили её ласк и не полюбили её сыновней любовью, и, конечно же, чтобы отвадить конкурентку, имевшую шанс занять её место. Мы с уважаемым Хоремхебом очень хотели помочь вашей матушке, но не смогли. Это было выше наших сил, за рамками наших полномочий. Мы не влияем на тюремное ведомство, которое, к слову, я очень советую вам передать под юрисдикцию армии, а не выделять в особую всеильную контору, как при вашем батюшке... Но, возвращаясь к нашему вопросу, к Нефертити, я хочу сказать, что все её улыбки и холодные ласки мачехи были ничем иным, как фасадом, за которым крылось тайное желание вам всяческих зол. Теперь же она намерена реализовать свои давние замыслы и продолжить тоталитарную политику вашего покойного батюшки... В данном случае позвольте мне на правах вашего советника рекомендовать вам принять меры, предложенные господином главнокомандующим армией...

Т у т а н х а м о н (*с трудом скрывая подступающий ужас*) Учитель... я не узнаю вас... Вы всегда учили меня быть гуманным, понимать и прощать своих обидчиков, сострадать всем, кто нуждается в сострадании. Слушая вас мне казалось, что Нефертити – несчастная женщина, чьё горе и мучения заставили её помешаться на власти. Не вы ли говорили, что такой человек способен стать рабом одного сильного, чтобы только быть повелителем сотен слабых? Позволять угнетать себя одному, чтобы самой угнетать сотни? Мне жалко её, хоть мне ещё жальче маму, пострадавшую от её самодурства. Но я не хочу причинять ей вред. Она и так натерпелась от Эхнатона...

Х о р е м х е б (*начавший раздражаться*) Будьте покойны, она отыгралась. В том числе и на вашей матери. И на матерях тех, кого казнили по лживым доносам. У нас на руках официальная статистика репрессированных. Эйе, припомните сколько...

Э й е (*внезапно резко*) Не стоит, Хоремхеб. Прошу вас, не давите на него! (*Тутанхамону, почти что нежно, вновь пытаясь взять его за руку*) Мой мальчик – позволь пока называть тебя так – семнадцать лет я учил тебя состраданию и человечности, но сейчас я должен преподавать тебе последний, самый трудный урок. Мы должны иметь силы забывать о сострадании к тем, кто не знает сострадания, чтобы хоть немного очистить империю...

Т у т а н х а м о н. Мне странно слышать это от вас... Но я понимаю, что вы хотите сказать, и что вы не хотите никому зла. Но как можно забыть о сострадании? Как оно может быть выборочным? Может ли дождь падать на землю так, чтобы оставлять на ней сухие острова? Это чувство можно подавить либо напроць, либо же не подавлять вовсе.

Х о р е м х е б. Увы, иногда мы перестаём быть в первую очередь человеком, для которого главное это чувства. Иногда мы превращаемся в должностное лицо.

Т у т а н х а м о н. Лицо? (*В ужасе*) О, нет! Вот оно проклятие, о котором говорил Эхнатон! Стало быть, я и вправду проклят! Но я ещё могу повернуть всё вспять...

Эйе. Нет, это совсем не проклятие. И это совсем не то, что сказал Хоремхеб... (*сурово глядя в сторону Хоремхеба*) Изменять своим привычкам вредно, и если ты привык говорить языком команд и приказов, так лучше не лезть в поэзию или философию. (*Тутанхамону*) Мы часто говорили с тобой о Яхмосе, Хатшепсут, Нармере. Они ведь тоже были царями, но они оставались людьми. Да, быть царём – это большой труд, ибо чувства необходимо мирить с долгом...

Тутанхамон. Нет, они какие-то особенные люди! Не зря до Эхнатона их приравнивали к богам, ведь человеку не под силу такой труд! Я хочу быть человеком, власть испортит меня. Сначала я расправлюсь с Нефертити, потом придётся расправляться ещё с кем-нибудь, кто всего лишь навсегда скажет что-нибудь обо мне не так, как положено говорить о фараонах. Что если какой-нибудь человек просто не понравится мне, и я буду подвержен соблазну воспользоваться своей властью? А что если понравившаяся мне девушка скажет, что я некрасив, но власть позволит мне её неволить... Нет, учитель, освободите меня от этого!

Хоремхеб. Будьте уверены, вам никто так не скажет.

Тутанхамон. Это ещё хуже – подумать и не сказать! Если люди будут принуждены быть рядом со мной только лишь потому, что я царь, и им будет запрещено пытаться от меня освободиться?

Хоремхеб. Поверьте мне, даже никто не подумает.

Тутанхамон. Ещё хуже! Хуже! Не подумает разумом, но почувствует сердцем!

Хоремхеб. Это тот редкий случай, когда сердце отдаёт под абсолютный контроль разума.

Тутанхамон. Но разве это правильно – приказывать сердцу молчать! Поймите, я никого не смогу принуждать быть со мной рядом!

Хоремхеб. Принуждать не придётся. К вам повалят толпы.

Тутанхамон. Толпы повалят не ко мне. Толпы повалят к золоту, алмазам, деньгам, рабам, лошадям и колесницам. Толпы повалят к ногам фараона, «должностного лица», а не человека! Фараон будет принуждать эти толпы падать пред ним ниц, играя на их страхе и алчности. Несчастный фараон! Несчастливая оболочка, под которой скрывается всего лишь юноша, желающий только искренних чувств! Несчастливая оболочка, которая принуждает толпы таких же оболочек поклоняться себе. А если в этой толпе найдётся человек, который тоже, как я, ищет искренности, если найдётся мой друг, которого я жду, которого я с отчаянием зову уже семнадцать лет? Он испугается. Не меня, а грозного фараона, у которого есть золото и рабы, и которому поклоняется бездушная, меркантильная толпа. Мой друг! Могу ли я изо дня в день, из ночи в ночи звать тебя, молиться о тебе? Имею ли я право на это, если я – сын Эхнатона, сын тирана, приговорённый занять его место! Я никогда не смогу заставить тебя стать моим другом, я могу только взывать к тебе! Существует ли ты? Имею ли я право сделать тебя частью моей души, и мечтать о том, чтобы стать частью твоей? Имею ли я право сделать твои надежды моими, и надеяться на то, чтобы мои мечты стали твоими? Возможно ли это? Я могу лишь молиться о том, чтобы найти отклик в твоей душе. Но только не власть! Она испортит всё! Нет!!! Только не власть! Ты же знаешь, как я ненавижу её! Я не хочу её, она как грязь, как пятно на моей душе. Власть над тобой уничтожит всё, что связывает нас. Пусть тебя нет, пусть тебя никогда в моей жизни не будет – лучше никогда не знать тебя, не видеть тебя, чем иметь над тобой власть! Это лучше и для тебя – никогда не знать меня, и не надо! Не надо, потому что я люблю тебя, мой милый друг...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.